

Глава 6. План завоевания звания Чжуанюаня. Часть 6

Мо Юэ так и остался в скромной обители Е Сяои, обучая его чтению и письму.

В здешних краях Е Сяои был круглым невеждой. Традиционные иероглифы оказались задачей не из легких: сколько бы юноша ни вглядывался в деревенские вывески, он с досадой понимал, что не может разобрать почти ничего.

Начинающий с абсолютного нуля Е Сяои усердно пытался над основами: Мо Юэ учил его писать кистью самые простые числительные — «один, два, три». Наставничество давалось ему без особого труда, поскольку его ученик продвигался вперед черепашим шагом — невыносимо медленно. За три дня Е Сяои так и не сумел вывести горизонтальную черту «один», которая бы устроила требовательного учителя.

Мо Юэ придирался к каждой мелочи. Стоило черте выйти хоть немного неровной, он безжалостно сминал лист и заставлял упрямого ученика начинать все сначала. Е Сяои исходил желчью и в сердцах обзывал наставника ненормальным перфекционистом, но, несмотря на все вопли, послушно продолжал выводить злосчастную черту.

Тем временем Бабушка Е зря времени не теряла. Всего за три дня, обойдя соседние дома и деревни, она собрала целую артель искусных мастериц и досужих вышивальщиц. Увидев, что любимый внук притащил домой огромный мешок лоскутов, она решила, что тот задумал открыть широкое производство шпилек для волос. Недолго думая, старушка созвала больше двадцати деревенских женщин, явно вознамерившись устроить домашнюю мануфактуру.

Сами по себе обрезки ткани почти ничего не стоили. Бабушка Е полагала, что у Е Сяои все еще припрятаны те самые двенадцать лянов серебра, которых с лихвой хватит на оплату дешевого труда крестьянок.

Окинув взглядом два десятка собравшихся женщин, Е Сяои мысленно схватился за голову.

«У меня в кармане остался от силы один лян с небольшим. На сколько дней мне хватит этих крох, если я найму такую ораву?»

По местным обычаям плату за подобную надомную работу отдавали сдельно: сколько сделал — столько получил, причем деньги выплачивали в тот же день. Задержать оплату на месяц, чтобы рассчитаться после продажи товара, Е Сяои просто не мог.

Оказавшись в положении человека, оседлавшего тигра, с которого уже не спрыгнешь, юноша решил действовать напролом. Раз уж расчет ежедневный, а работа непыльная, он будет платить, пока не иссякнут монеты. А когда товар разойдется, можно будет возобновить производство. В конце концов, крестьянкам к перебоям с заказами не привыкать.

Все собравшиеся были односельчанками, поэтому он обратился к ним с предельной мягкостью:

— Уважаемые тетушки, давайте для начала каждая из вас сделает по одной шпильке. Те, чья работа окажется искусной, останутся у меня. Если же дело не заладится, вы сможете забрать получившееся изделие себе. Чай у нас бесплатный, ткань берите без стеснения. Неважно, сколько дней у вас уйдет на пробу и сколько лоскутов вы испортите. Но плату я выдам только за те шпильки, которые пройдут мою проверку. Кто согласен на такие условия — милости прошу за работу. А кто не согласен, может возвращаться к своим домашним делам.

Задумка Е Сяои была проста, но изящна: нужно было сшить цветы из разноцветного шелка и закрепить их на деревянных шпильках, продев нити сквозь круглые отверстия в дереве.

Бабушка Е наглядно показала женщинам, какой результат будет считаться пригодным, и после этой демонстрации несколько крестьянок сразу ушли.

Требования Е Сяои оказались чрезмерно строгими: на готовом изделии не должно было виднеться ни крепежных отверстий шпильки, ни срезов ткани, ни единого стежка. Каждую деталь приходилось делать двухслойной, сшивая лепестки наподобие крошечных мешочков, выворачивая их наизнанку и пряча швы внутрь. Скрепление лепестков воедино тоже требовало ювелирной точности, чтобы нити оставались невидимыми. Повозиться с таким цветком приходилось не меньше, чем со сложной вышивкой на кошеле. Для простых деревенских украшений подобная щепетильность была неслыханной роскошью.

Большинство женщин сочли затею слишком хлопотной и разошлись. Остались лишь семеро или восемь крестьянок — их семьи отчаянно нуждались в деньгах, так что они радовались любому заработку.

Оставшиеся мастерицы просидели в доме Е Сяои до самого вечера. Процесс шел медленно: у простых цветков было всего несколько лепестков, у более пышных — по десятку, а то и по несколько десятков слоев. Кропотливый труд отнимал много времени, и швеи без устали работали над крошечными деталями. Лишь к закату утомленные женщины сдали первые готовые изделия.

Е Сяои так и просиял при виде их творений. Мастерицы превзошли все его ожидания. Разглядывая изящную гирлянду из крошечных шелковых колокольчиков, юноша восторженно воскликнул:

— Невероятно! Настоящее чудо!

Он сразу же зачислил в штат умелицу, создавшую эту струящуюся цветочную бахромку. Остальные швеи, показавшие тонкую работу, тоже удостоились места в артели. Двум или трем крестьянкам, чьи стежки вышли неровными, Е Сяои ласково сказал, чтобы те не унывали:

— Вы можете забрать лоскутки домой и потренироваться на досуге. Как только набьете руку —

возвращайтесь, я приму вашу работу в любое время.

Те женщины, что протрудились полдня впустую, поначалу хотели бросить это дело, решив обойтись без всяких тренировок. Однако их мнение вмиг переменилось, стоило им узнать, что за каждую качественную шпильку Е Сяои щедро отсчитал по пятьдесят медных монет!

Вышивальщицы жадно оживились. На уличных лотках за обычное украшение просили от силы десять-пятнадцать монет, а тут предлагали неслыханную плату — целых пятьдесят монет за штуку!

Стоило мастерицам вернуться по домам, как весть разнеслась по всей округе: у Бабушки Е скупают шпильки по баснословным ценам!

Такая бесплатная реклама была Е Сяои только на руку. Он и представить не мог, что создание одного шелкового цветка окажется столь долгим делом. Раз уж производительность хромала, следовало привлечь к делу как можно больше искусных рук.

Здесьшний люд питал почтение исключительно к звонкой монете, а не к сопливым мальчишкам вроде Е Сяои. Но ради безупречного качества стоило раскошелиться — это не только гарантировало превосходный результат, но и должно было привлечь к нему лучших вышивальщиц префектуры.

Когда Бабушка Е прознала, что внук раздает по пятьдесят монет за штуку, у нее едва сердце не прихватило. Она тут же поспешила к нему с упреками:

— Внучок мой ненаглядный, да ты хоть знаешь, сколько просят за такие безделушки на базаре?!

Е Сяои небрежно щелкнул пальцем по изящному шелковому цветку:

— Пятьдесят монет — сущие пустяки, бабушка. Вот увидите, за каждую такую шпильку я выручу не меньше половины ляна, а то и целый лян серебра!

В прошлой жизни Е Сяои заправлял элитным развлекательным клубом и прекрасно знал, как важно пустить пыль в глаза и создать ощущение роскоши. Стоит лишь выйти на нужную аудиторию, и прибыль потечет рекой. К чему крохоборствовать и выжимать копейки из рабочих, экономя на качестве материалов?

Юноша вознамерился потратить еще две сотни монет на одну лишь упаковку. В этих краях один лян серебра приравнивался к тысяче медных монет, так что у него оставалось еще достаточно мелких денег на изысканное оформление. Как бывший наследник корпорации «Гиндза», он презирал дешевый ширпотреб и всегда целился в премиальный сегмент.

Осознав, каков на деле размах его «самостоятельного ведения дел», Бабушка Е лишь горестно вздохнула. Молодо-зелено — парень явно не знал цену хлебу насущному. Кто в здравом уме отдаст целое состояние за копеечную заколку? Разве что столичные модницы за дворцовую утварь раскошелятся на подобные суммы. Решив, что внук окончательно сбрендил, старушка вознамерилась немедленно вернуть себе власть над семейным кошельком:

— Сяо И, верни-ка деньги бабушке. Не нужно мне твоего попечительства.

Выданные пятьдесят монет до сих пор стояли у нее перед глазами. Свирина нынче шла по двадцать монет за цзинь, так что на эти деньги можно было купить две жирные туши!

Е Сяои развел руками с самым невозмутимым видом:

— А денег больше нет, бабушка. Все ушло в оборот.

— Не мели чепухи! — не поверила старушка. — Двенадцать лянов серебра! Куда они могли деться за пару дней?

«Да запросто! Один только Мо Юэ обошелся мне в круглую сумму».

Разумеется, открывать правду о покупке раба юноша не собирался. Тяжело вздохнув, он пошел на попятную:

— Бабушка, давайте договоримся так: подождите двадцать дней. Как только товар разойдется и дело принесет доход, я верну вам все до последнего гроша. Что скажете?

Двадцать дней — срок небольшой, а слепая любовь к внуку сделала свое дело. Старушка нехотя согласилась подождать три недели, желая посмотреть, к чему приведут эти странные затеи.

Е Сяои, обремененный долгами и заботами, уныло поплелся к своему наставнику. Ухватив Мо Юэ за подол шелкового халата, он скорчил жалобную мину:

— Эй, великан, пойдем со мной. Нужно взять кое-что в долг.

— В долг? И не подумаю, — отрезал Мо Юэ, чья императорская гордость упрямо взбунтовалась при мысли о таком позоре.

— Без тебя никак, — проворчал Е Сяои, проклиная свое нынешнее детское тело. — Малявке вроде меня никто и гроша ломаного в долг не даст.

— Тогда верни меня обратно на невольничий рынок, — фыркнул Мо Юэ. Его изрядно утомляло,

что новоиспеченный хозяин оказался гол как сокол и заставляет его побираться.

— Я бы с радостью, да только управа деньги назад не отдает, — вздохнул Е Сяои, упрямо увлекая мужчину за собой. — Ладно, идем скорее. Нам нужно раздобыть мяса на ужин.

К удивлению Мо Юэ, лавочник в мясной лавке без лишних споров согласился отпустить товар под честное слово.

Возвращаясь домой с увесистым свертком свежей вырезки, Е Сяои принялся усердно поучать спутника:

— Видал? Настоящий купец всегда пойдет навстречу. Когда у человека водятся деньги, он волен выбирать любую лавку. Но стоит его карманам опустеть, как он пойдет лишь туда, где ему доверяют. Ради постоянного потока покупателей торговцы готовы рисковать. Главное — вовремя платить по счетам, и тогда все останутся в выигрыше.

Мо Юэ лишь закатил глаза, смерив юношу презрительным взглядом:

— И ты еще гордишься тем, что живешь взаймы?

— Хе-хе! — Е Сяои прищурился, напоминая хитрого лиса. — Я просто раскрываю тебе тонкости торговой психологии. Ведь следующее дело тебе придется провернуть в одиночку.

Мо Юэ гневно нахмурился.

«Этот негодник совсем стыд потерял!»

Не дав наставнику ни единой медной монеты, Е Сяои безапелляционно скомандовал:

— А теперь, дражайший учитель, ступайте к столяру и закажите партию деревянных шкатулок для наших шпилек. Нам нужны солидные, покрытые лаком и украшенные резьбой коробочки. Цена за штуку не должна превышать двух сотен монет. Денег у меня сейчас нет, но через десять дней они точно появятся. Так и передайте мастеру — расчет через декаду.

Мо Юэ едва сдерживал ярость. В этот миг его всерьез посетила мысль податься в бега. Принц тяжело дышал от ярости. Однако, взвесив все за и против, он шумно выдохнул и, круто повернувшись, зашагал прочь. Беглому рабу в этих краях жилось несладко, так что поход к ремесленнику казался меньшим из зол.

Обладая безупречным аристократическим вкусом, Мо Юэ выбрал самые изысканные шкатулки, умудрившись уложиться ровно в предложенный лимит — две сотни монет за штуку. Столяр, прельщенный крупным заказом и обещанием щедрой платы через десять дней,

согласился отдать товар под честное слово вельможного господина.

Вернувшись, Мо Юэ вручил Е Сяои пробный образец. Тот бережно принял его и так и просиял от восторга. Шкатулка была покрыта плотным слоем черного глянцевого лака, на крышке красовалась искусно вырезанная ветвь дикой сливы, тронутая алой и золотой краской. Изнутри коробочка была выстлана мягким шелком на ватной подкладке — по меркам здешних мест оформление выглядело невероятно модным и дорогим.

Простая, ничем не украшенная утварь была уделом простолюдинов. Знатные же господа и богатые купцы ценили изящество: их ларцы, шкатулки для драгоценностей и коробочки для румян непременно покрывались лаком и украшались тонкой резьбой. Особо ценились редкие породы дерева — сандал или груша. Ради того чтобы продать свои поделки капризным богатым барышням, Е Сяои был готов пойти на любые ухищрения.

Чтобы придать товару утонченный, благородный вид, он решил украсить каждую шкатулку стихотворной строфой. Увы, его собственные каракули пока годились разве что для растопки печи.

Когда коробки были доставлены, Е Сяои тут же призвал Мо Юэ к ответу:

— Послушай, великан, а как у тебя обстоят дела с каллиграфией? Красиво пишешь?

Мо Юэ высокомерно прищурился:

— Я обучаю тебя грамоте. Неужели ты до сих пор не сумел оценить почерк своего наставника?

Е Сяои притворно закашлялся:

— Да откуда мне знать толк в высоком искусстве? Ты просто скажи без лишнего хвастовства — хорош ли твой почерк?

— Превосходен, — с гордостью бросил Мо Юэ.

— Вот и славно, ловлю тебя на слове, — Е Сяои принялся торопливо расставлять перед ним шкатулки. — Выведи на каждой из них по две изящные строчки.

Мо Юэ вновь насупился.

«Моя каллиграфия, достойная императорских свитков, пойдет на украшение этих грошовых деревяшек?!»

<http://bllate.org/book/18182/1752031>